

18 ИЮН 39

ВЫДАЮЩИЕСЯ МАСТЕРА МХАТ

И. М. МОСКВИН

К 65-летию со дня
рождения

ТВОРЧЕСКАЯ биография Ивана Михайловича Москвина тесно переплетена со всей творческой биографией Московского Художественного Театра. Свыше 40 лет тому назад — в 1898 году, когда впервые поднялся занавес нового театра, в знаменательный день первого спектакля — пьесы А. П. Толстого «Царь Федор Иоаннович» в заглавной роли царя Федора выступил Иван Москвин, молодой, никому доселе неизвестный артист.

День премьеры принес всеобщее признание новорожденному театральному коллективу, признание замечательному создателю образа царя Федора — артисту Москвину.

Спектакль сохранил свою силу и по сегодня.

С годами менялось мировоззрение актеров МХАТ, все более глубоко раскрывались образы пьесы, подвергался эволюции и образ Федора в трактовке его Москвиным. Артист создал яркий образ безвольного царя.

«Моей виной случилось все! А я — Хотел добра, Арина! Я хотел Всех согласить, всех сгладить...».

Вот это желание «всех согласить» — основной момент в трактовке образа Федора Москвиным.

Москвин — Федор — царь простачок — сердечный, благостный и смиренный. Невозможно забыть сцены, когда артист показывает трагическую беспомощность, растерянность Федора, его желание проявить свою волю и неспособность к этому. Простота и глубина этих переживаний прямо потрясающи.

Гениальный мастер русской сцены и основоположник МХАТа К. С. Станиславский по случаю шестисотого выступления Москвина в роли Федора писал: «Играть в течение многих лет эпизодическую роль — большой труд. Но играть такую роль, как Федора в течение столько же лет, с таким темпераментом и нутром, отдавая всего себя роли — это есть потрясение. Шестисот таких потрясений создают подвиг. Вы проделали такой подвиг. Он помог

созданию славы Художественного театра, как в Москве, так и в Европе и в Америке».

Сложнейшие противоречивые образы под силу таланту И. М. Москвина. Как умеет он проникнуть и в драматическую и в комическую сущность роли. Какая сила перевоплощения в показе различных человеческих характеров!

Вот перед вами напыщенный Епиходов, со всем своим болезненным самолюбием, доходящим до трагикомизма. Вот велеречивый странник Лука, с лукавым блеском в подслеповатых глазах и с хитрой улыбкой «искателя правды». Вот наивность и смиренная кротость Федя Протасова, с его тихой скорбью в сцене разоблачения.

А вот хищник Прокофий Пазухин. Им владеет неуемная жажда наживы. В момент истощения он не говорит, а как зверь воет. Мерзкая душенька собственника во всей отвратительной наготы выплывает наружу и он орет: «Эй, ты, слушайте! Таперича тятенька скончался, и я таперича всему законный наследник, все это мое, и это мое — все мое!». И в заключение — дикий плач. Типичский образ стяжателя, раба наживы, денежного сундука!

Темное царство, стихия безобразия предстали в самом остром и ярком послереволюционном театральном спектакле театра — пьесе Островского «Горячее сердце». Москвин в роли Хлынова. Сколько буйного разгула и расносавшегося хамства выражено актером в Хлынове. Я был свидетелем, казалось, невозможного случая. Зритель МХАТ твердо знает правила этого театра: артисты не выходят на аплодисменты до конца спектакля. Но вот пошел второй акт. Откуда-то излучаю доносится песня. Она нарастает. На лопе дирижируя хором своих озорников, появ-

ляется Москвин — Хлынов. Это было настолько яркое зрелище, что «дисциплинированный» МХАТовский зритель вышел из себя, обрушившись шквалом оваций. И случилось то, чего не знала история МХАТ: Москвин нарушил традицию. Он подошел к рампе и ответил сердечным поклонном советскому зрителю на его восторженные приветствия.

Одна из самых последних работ Москвина — роль Загорецкого в новой постановке МХАТ «Горе от ума». По сути, это только эпизодический персонаж. Бал у Фамусова. Москвин — Загорецкий появляется среди гостей. Точнее не появляется, а как-то проскальзывает меж них. Слащавая улыбка. Он всем готов услужить — по чину и званию. Перед зрителем выплывает льстец и клеветник, способный на всякое предательство, вкрадывающийся в доверие злобный человек, обуреваемый низменными страстями. Играя Загорецкого в бессмертной Грибоедовской комедии, Москвин разблачивает живучие еще и сейчас лести, подхалимство, клевету.

Профессор Горюнов в «Любови Яровой». И снова перевоплощение. «Пламя веры в глазах» — в этой фразе Горюнова стержень толкования роли Москвиным. Отсюда мягкость, отсюда теплый юмор, отсюда одухотворенная тяга этого ученого, выросшего в старом мире, к новому человеку, строителю нового мира.

Сила и творческий размах И. М. Москвина в том, что он черпает вдохновение для создания своих образов, из которых многие можно считать бессмертными, из

гущи родной ему русской жизни. Следуя традициям мастеров русской сцены, он внимательно изучает жизнь, жизнь народа. Он впитал в себя все лучшие народные песни и сказки. Все это вошло глубоко в его сердце и мозг, обогатило его художественную фантазию.

Подлинный советский художник не может жить и творить вне рядов передовых людей своего общества, вне тех идей, какие являются господствующими в обществе. И. М. Москвин — отдавший театру «лучшие струны своей души и своего сердца», не только рядовой участник общего социалистического строительства, что само по себе уже почетно. Он депутат Верховного Совета СССР, государственный деятель, облеченный доверием народа, платящего ему любовью за его творческий одухотворенный труд.

Получая огромное количество писем от московских избирателей и с периферии, хочется каждое прочесть «внутренними глазами», чтобы найти нужный совет, нужную помощь, а на это много надо внутреннего напряжения, а иногда и творчества, чтобы ответы были полнокровны и вразумительны, а иначе какой же я буду «слуга народа»... За высокое доверие надо платить высокой добросовестной работой, чтобы оправдать звание депутата Верховного Совета.

Это не из речи И. М. Москвина — депутата Верховного Совета СССР — перед избирателями. Пусть простит нам Иван Михайлович маленькое преступление, — по мы здесь привели несколько строк из его личного письма к своему старому другу, киевскому литератору. Но попробуйте отделить в этих словах большого художника от государственного политического деятеля. Они слитны, потому что Москвин растет вместе с нашим социалистическим обществом.

Мастер полнокровных и убедительных образов, Москвин служит социалистическому искусству всем пылом своего пламенного сердца, всей силой своего неувядаемого таланта. Он помнит ленинские слова, «что наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелище. Они получили право на настоящее великое искусство». Вот почему с такой страстностью прозвучали его слова на собрании работников московских театров в связи с обсуждением итогов XVIII съезда партии.

«Наступила пора, — с огромным воодушевлением говорил Москвин, — когда в советском искусстве не может быть никакого даже малейшего места для какой-то схемы и безжизненных фраз, или надуманных положений, или всевозможных спекуляций на актуальные темы ни на экране, ни на сцене, ни на страницах книг. Это сейчас не пройдет!.. Сама жизнь сметет дешევку и приспособленчество. Их сметет бурная и цветущая жизнь молодой страны Советов и честность тех, кто по-настоящему захвачен ее созидательным порывом. Надо прямо сказать, что нам, старикам театра, пронесшим его на себе сквозь десятилетия упорным трудом, особенно трудно мириться со всем, что не глубоко, не выношено, скороспело и дешево».

Лучшие люди советского театра объявили войну серости, однотонности и скуке на сцене. Идет борьба за самостоятельный творческий почерк каждого театра. Рациональная советская жизнь должна заиграть всеми цветами радуги на наших сценах, во всех жанрах, помогая росту нового человека. Страстный призыв И. М. Москвина, достойно отображать в нашем искусстве величие нашего народа, звучит с исключительной силой.

Пусть же в великом хоре творцов советского искусства, взращиваемого гением нашей партии и нежнейшей заботой самого лучшего друга искусства И. В. Сталина, долгие годы звучит голос честного художника — реалиста, народного артиста СССР — Ивана Михайловича Москвина.

Х. ТОКАРЬ.